

Редакционная коллегия:

В. М. Орел (главный редактор)

Д. А. Александров (редактор отдела рецензий)	Л. М. Кожина (отдел научно-технических музеев)
В. В. Бабков (отдел истории биологии)	Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора)
А. Г. Барабашев (отдел философии и методологии науки)	Л. А. Маркова (отдел общих проблем)
Е. Н. Будрейко (ответственный секретарь)	И. И. Мочалов (отдел истории наук о Земле)
Вл. П. Визгин (отдел истории физики, механики и астрономии)	А. М. Смолеговский (отдел истории химии)
В. Л. Гвоздецкий (отдел истории техники)	Д. А. Соболев (отдел истории авиации и космонавтики)
С. С. Демидов (отдел истории математики)	А. Ю. Стручков (редактор международного отдела)
С. С. Илизаров (отдел архивных публикаций)	А. В. Юревич (отдел социологии и социаль- ной психологии науки)

Международный редакционный совет:

Марк Адамс, США
Кит Бенсон, США
Павел Волобуев, Россия
Гурген Григорян, Россия
Лорен Грэхем, США
Кеннет Кноспел, США
Борис Козлов, Россия
Эдуард Колчинский, Россия
Джон Криге, Франция
Юрий Наточин, Россия
Мариано Ормигон, Испания

Доминик Пестр, Франция
Ганс-Йорг Райнбергер, ФРГ
Нильс Ролл-Хансен, Норвегия
Эдвард Свидерски, Швейцария
Вячеслав Степин, Россия
Дуглас Уинер, США
Дэвид Холлоуэй, США
Юрий Храмов, Украина
Саймон Шейфер, Великобритания
Александр Яншин, Россия

Журнал издается при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 96-03-10042)

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

редакторы Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
компьютерный набор и оригинал-макет — Мозговой Дмитрий Юрьевич,
Алексеев Константин Игоревич

Адрес редакции: 103012, Москва, Старопанский пер., 1/5
телефон/факс: (095) 928-1190 E-mail: viet@history.ihts.ru
Заведующая редакцией Бизьева Татьяна Ивановна

Подписано к печати 30.05.97. Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 15,8 Усл. кр.-оттн. 12,5 тыс. Уч.-изд. л. 18,8 Бум. л. 6,0
Тираж 780 экз. Заказ 1674

Московская типография № 2 РАН. 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Издательство «Наука»,
«Вопросы истории естествознания и техники», 1997 г.

При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

Проблемы науковедения

Е. В. СЕМЕНОВ

СМЫСЛ ПРОИСХОДЯЩЕГО С ГУМАНИТАРНЫМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ НАУКАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНКУРСОВ РГНФ)

Не решусь высказаться о состоянии и перспективах российской науки в целом. В этом «уравнении» слишком много неизвестных. Решение найти очень трудно, а ответственность велика. Состояние отечественной науки и страны в целом таково, что ошибочные оценки и ложные задачи могут нас совсем погубить. Запас прочности полностью исчерпан.

Решусь высказаться лишь о состоянии и перспективах развития гуманитарных и социальных наук, как они видятся через призму деятельности РГНФ.

Конкурсы РГНФ произвольно выявили фактическое состояние гуманитарных и социальных наук в России, многие происходящие в них процессы, наметившиеся противоречивые тенденции их развития. Деятельность Фонда можно представить в качестве достаточно масштабного науковедческого исследования (в жанре «практического науковедения»), исследования, которым охвачены более 30 тысяч ученых.

В 1996 г. Российский гуманитарный научный фонд осуществлял финансирование гуманитарных научных проектов по 7 программам, включая исследовательские проекты (1575), в выполнении которых участвовали 8031 ученый, издательские проекты (522), проекты организации экспедиций, полевых и экспериментально-лабораторных исследований (62), проекты организации и проведения научных форумов (216), проекты участия российских ученых в научных мероприятиях за рубежом (108), проекты развития материально-технической базы гуманитарных научных исследований (39), создание информационных систем и развитие научных телекоммуникаций (118). Всего финансировалось 2640 проектов по всем дисциплинам гуманитарного цикла.

Проекты, поддержанные Фондом, выполнялись в 450 организациях в 60 субъектах РФ. Финансирование осуществлялось через 233 банка. Издание научных книг осуществляется через 133 издательства.

Конкурсы РГНФ позволяют увидеть, что происходит:

- с тематикой научных исследований в области социальных и гуманитарных наук;
- с научными дисциплинами, направлениями и школами;
- с ценностными ориентациями ученых и этосом научного сообщества;

- с научной активностью в ведомственном и региональном измерении;
- с институциональными формами науки;
- с ролью и функциями гуманитарных и социальных наук в обществе;
- с взаимоотношениями науки и власти.

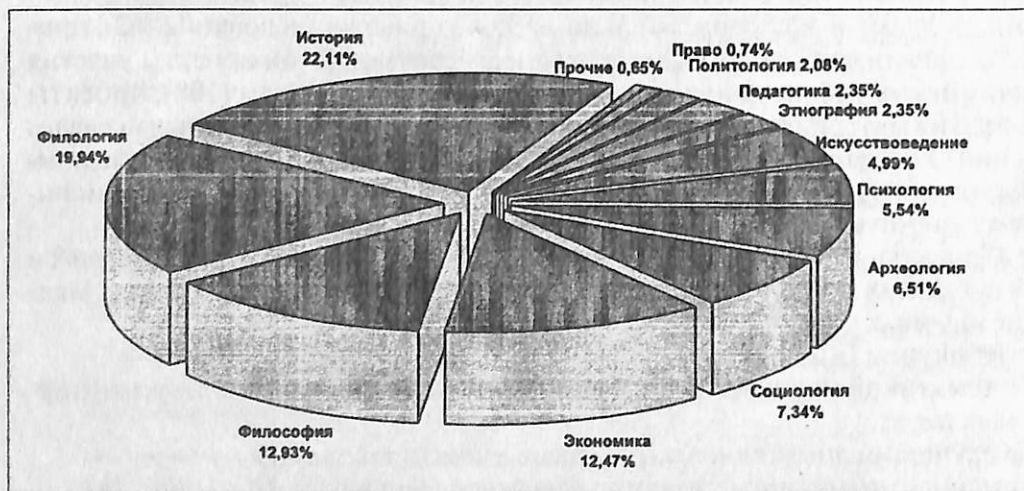
Представляется, что анализ состояния науки, как оно выявлено конкурсами РГНФ, позволяет определенно ответить на острейшие вопросы:

- угасает ли научная активность в области гуманитарных и социальных наук?
- снижается ли качество исследований?
- сокращается ли фронт научных исследований?
- деградируют ли научные структуры?
- отмирают ли какие-то формы научной активности?

1. Обновление интересов и тематики исследований

Конкурсы Фонда выявляют изменения в тематике научных исследований по гуманитарным и социальным наукам и способствуют обновлению тематики. Анализ планов НИР академических институтов и университетов не дает сейчас реальной картины научной активности ученых. Планы консервативны. В заявках же, поступающих в Фонд (а число их второй год измеряется 4 тысячами), ученые формулируют свои подлинные научные интересы. По потоку заявок можно судить о том, что реально происходит с научной активностью в стране. А происходят очень интересные перемены. В 1995–1996 гг. в области гуманитарных и социальных наук шел процесс интенсивного перераспределения научной активности как внутри научных дисциплин, так и между ними.

Наблюдается значительное преобладание заявок и поддержанных проектов по истории и филологии (42% от всех поданных заявок конкурса

Конкурс 1996 г.

Удельный вес разных областей знания в массиве поддержанных проектов всех видов

1996 г.). Вторую лидирующую группу научных дисциплин в конкурсе 1996 г. составляли философия и экономика (соответственно 11,9% и 11,8% от общего числа заявок). На все прочие научные дисциплины приходилось всего 34% от общего числа заявок и 33% от общего числа поддержанных проектов. По 5–7% имели археология, социология, психология и искусствоведение; по 2–4% — педагогика, этнография и политология. Абсолютный аутсайдер — правоведение (менее 1%).

Конкурсы 1995–1997 гг. выявили рост научной активности во всех областях гуманитарных и социальных наук, но темп роста научной активности в разных науках был неодинаков. В конкурсе 1996 г. беспрецедентный рост активности дала этнография (отчасти объясняется поздним подключением к конкурсам Фонда и исходно малым числом заявок). Наиболее высокими темпами (более 150%) нарастала научная активность в педагогике, искусствоведении, истории, социологии, философии, экономике. Значителен был рост активности в психологии, археологии и филологии (более 100%). Ниже он в правоведении (80%). Абсолютный аутсайдер — политология (59%).

Конкурс 1997 г. внес некоторые изменения в общую картину распределения научной активности по научным дисциплинам. История и филология сохранили свое безусловное лидирующее положение: соответственно 21,1% и 20,1% от общего числа заявок (по состоянию на январь 1997 г.). Общая доля лидирующей группы несколько снизилась. Во второй группе более заметным стал отрыв философии от экономики: философия (с социальной историей науки и техники) поднялась до 13,3%, экономика опустилась до 9,7% от общего числа заявок. Выделилась и заметно подтянулась к экономике еще одна группа наук: археология (7,5%) и искусствоведение (6,9%). Усилилось отставание социологии и психологии. Снизилась доля политологии (1,7%). Еще более усилилось отставание правоведения (менее 0,5%).

Наибольший рост числа заявок наблюдался в области историко-научных исследований, в искусствоведении и этнографии.

Заметным было *перераспределение научной активности внутри научных дисциплин*.

Так, в экономике, социологии и психологии принято деление исследований на уровне общей теории и уровне специальных или отраслевых теорий. В этих науках в 1995–1996 гг. произошло заметное перераспределение активности между данными уровнями. В экономике и психологии это перераспределение осуществляется в пользу специальных (отраслевых) теорий. В социологии, напротив, в пользу общей теории. Конкурс 1997 г. подтвердил эту тенденцию.

Тематика исторических исследований, выполняемых в рамках проектов РГНФ, чрезвычайно разнообразна, а их исторический диапазон широк. Определились области наиболее интенсивных изысканий. К ним относится прежде всего отечественная история. И особенно значителен подъем исследовательского интереса к истории России конца XIX — первых десятилетий XX в. Несомненно, у историков сложилось стойкое отношение к этому

периоду как к переломному, во многом предопределившему логику последующего исторического развития России. Одновременно наблюдается снижение внимания к другим эпохам, например, к XVII–XVIII вв.

В тематическом отношении заметно активизировались исследования по истории политических партий в России, по истории сословий и социальных групп, по национальной политике в царской России и Советском Союзе, по роли национальных меньшинств в истории России. Качество этих работ, как правило, высокое, они объективнее прежних исторических трудов, опираются на более широкую источниковедческую базу, разнообразнее в методическом и методологическом отношении.

Так, выполнен крупный цикл исследований по истории политических партий в России в конце XIX — начале XX вв. (от левых партий, включая эсеров и социал-демократов, до правых — включая монархистов). Использовано огромное документальное наследие, хранящееся в архивах России и других стран. В рамках этого цикла подготовлены и частично опубликованы тома, содержащие важнейшие документы партий, опубликована прекрасная энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.», ряд монографий и сотни научных статей.

Активизировалась разработка проблем взаимоотношения человека и природной среды от древности до современности, а также демографических проблем — демография в России разделена между экономикой, социологией и историей — и везде наблюдается активизация демографических исследований.

Предметом подробного изучения стали межнациональные отношения и национальные движения в России XX в., в том числе и современные национальные движения и идеология «национальных элит». Здесь история тесно переплетается с социологией, политологией, этнографией.

Этнографы провели глубокое изучение традиционной народной культуры русских на всей территории их расселения от Поднепровья до Приамурья. Итоги этих исследований подведены в крупной коллективной монографии «Русские», принятой к печати.

Результатом совместных работ археологов, историков, лингвистов по древнему Новгороду стало создание концепции становления северной ветви восточного славянства и древнейшего ядра русской государственности на Севере, концепции, опирающейся на значительно обновленную источниковую базу. Эти работы являются образцом эффективности и эвристичности комплексных исследований.

Специалистами по западноевропейской истории подготовлены не только обобщающие работы, но и переводы хроник, исторических и географических трактатов эпохи Средневековья и раннего Нового времени, оставшихся ранее недоступными для отечественных читателей.

С огромным размахом ведутся археологические исследования в Сибири, где открыты и исследуются многочисленные уникальные памятники от эпохи палеолита до скифского времени, существенно детализирующие наши знания о становлении культур Евразии. Отличительной особен-

ностью этих работ является использование методов естествознания и точных наук (палеоботаника, палеозоология, антропология, геология, радиологический анализ и др.).

В исторической науке можно отметить две отрадные тенденции:

- нарастание интереса исследователей к скрупулезному изучению источников; это «фактографическое» направление является реакцией и на прежнюю идеологизированную советскую историю, и на историческую публицистику последнего 10-летия;
- нарастание комплексности как внутри наук гуманитарного цикла, так и шире — с использованием методов естественных наук.

Несколько более традиционно выглядят исследования в области филологии. Филология меньше пострадала в советский период от идеологизации, и меньше прореагировала на изменения последних 10 лет.

Приоритетом для филологии оказалось такое направление как подготовка академических изданий:

- готовятся собрания сочинений классиков русской литературы (Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, Ф. И. Тютчева, С. А. Есенина, А. П. Платонова, Б. Л. Пастернака);
- готовятся тома литературного наследия (В. Я. Брюсов, А. М. Горький, А. И. Герцен и Н. П. Огарев, А. П. Чехов);
- готовятся энциклопедические издания («Тургеневская энциклопедия», «Чеховская энциклопедия», «Достоевский и его окружение»), создается не имеющая аналогов «Энциклопедия языков народов мира»;
- готовятся многотомные своды русского фольклора и своды фольклора народов Сибири;
- готовятся различного рода библиографии;
- активно создаются словари разных типов (этимологические, семантические, исторические, этно-лингвистические);
- ведется работа по написанию историй русской и зарубежных литератур;
- составляются многотомные лингвистические атласы;
- достаточно активно идет изучение редких и исчезающих языков народов России, говоров и диалектов русского языка.

В искусствоведении ведутся фундаментальные исследования древнерусского и средневекового западноевропейского искусства (живопись, архитектура, музыка).

Как и в исторической науке, в филологии, включая языкознание и литературоведение, а также в искусствоведении усиливается внимание исследователей к *источниковедческой базе* и тяга к *комплексному изучению* научно-литературных явлений и процессов.

Интересные процессы протекают в философских исследованиях. Например, еще в 1995 году исследования в области социальной философии (бывший исторический материализм) абсолютно доминировали над философской антропологией. А в 1996 г. эти области исследований сравнялись по числу проектов. (В 1996 г. для финансирования отобрано 27 новых проектов по социальной философии и 25 — по философской антропологии).

Конкурс 1997 г. усилил крен в сторону философской антропологии. Устойчиво нарастает активность в области историко-философских исследований. Особенно это относится к освоению отечественного философского наследия, а с 1997 г. также и к восточной философии.

В философии лидирует проблематика философии науки, широко используются и анализируются категориальный и методологический аппарат теории открытых систем, синергетики, неклассических логик. Необходимо отметить, что целый ряд новых философских проблем возникает на стыке естественнонаучного и гуманитарного знания (экологическая этика, биоэтика, биотехнология и др.).

Наблюдается значительное расширение источниковедческой базы социальных наук (подготовка и издание текстов классиков философии, в частности неиздававшихся текстов восточной философии — арабской, древнекитайской, древнеиндийской). Идет издание серий книг отечественных философов XX в.

Среди важнейших результатов исследований по социологии и политологии необходимо выделить анализ социальных процессов, путей становления информационного общества, формирование гражданского общества в современной России, национальных напряженностей и конфликтов в различных регионах, геополитического положения России, миграции населения, новых предпринимательских и политических элит, адаптации населения к рыночным реформам. Активизируется исследование процессов формирования постиндустриальной информационной цивилизации (проблемы устойчивого развития России, создание информационных технологий). В социологических и политологических исследованиях стали использоваться более надежные методики опроса. Происходит избавление от конъюнктурности.

Среди особенностей конкурса 1997 г. особо следует отметить увеличение числа проектов, направленных на разработку проблем «социальных технологий» и в частности, технологии управления в условиях демократизации общества, механизмов принятия правовых решений, механизмов преодоления национальных конфликтов и достижения согласия.

Проекты по экономическим наукам отражают рост интереса:

- к проблемам возрождения отечественной экономики;
- к анализу и прогнозированию тенденций развития отраслевых комплексов (топливно-энергетического, машиностроительного, ВПК, АПК) и регионов;
- к происходящим резким структурным изменениям в экономике, их влиянию на благосостояние населения и демографическую ситуацию;
- к проблемам государственного регулирования экономики и управления социально-экономическими процессами;
- к современным тенденциям развития мировой экономики, и особенно к опыту посткоммунистического экономического развития стран Восточной Европы и Дальнего Востока.

Для экономических исследований традиционно характерно широкое ис-

пользование математических методов. Новым является заметное усиление интереса к экологическим проблемам и проблематике «устойчивого развития».

Авторы проектов по педагогике в основном разрабатывали теорию и методы социального воспитания, научные основы региональных систем образования, современные, особенно компьютерные методы обучения.

В целом заметно значительное расширение тематики научных исследований междисциплинарного характера, в том числе пересечения с математикой и естествознанием. Это наиболее характерно для археологии, психологии, лингвистики, экономики. Такому развитию способствует как грантовое финансирование, так и появление большого числа новых научных структур.

Не все происходящее с тематикой заслуживает положительной оценки. Вызывает тревогу чрезмерная прагматизация экономических, психологических и правоведческих исследований. Фундаментальные исследования в этих науках даже сокращаются. В философии наблюдается абсолютное доминирование работ комментаторского характера (естественно, классики марксизма-ленинизма заменены другими именами), работ же, в которых осуществляется собственное концептуальное творчество, немного. В политологии и социологии много конъюнктурности, партийной пристрастности. Отчасти это относится к экономике и правоведению. Удручает резкое сокращение тематики по изучению культуры и истории бывших союзных республик, что чревато самыми серьезными последствиями для интересов России в настоящем и будущем.

Анализ характера научной активности, проводимый экспертами Фонда, не позволяет согласиться с часто звучащими выводами о снижении качества исследований, о сокращении фронта исследований, о падении научной активности в области гуманитарных и социальных наук, о их общей деградации.

Качество научных работ улучшается (благодаря большей объективности исследований, большей опоре на расширяющуюся источниковедческую базу, активному использованию методов точных наук, росту междисциплинарных исследований).

Фронт научных исследований не сокращается. Правильнее было бы говорить о существенном перераспределении научной активности, об отмирании целых пластов тематики и активизации разработки других тем и направлений.

Нет оснований и для выводов о падении научной активности. Напротив, в 1995–1996 гг. наблюдается ее рост, хотя происходит это на фоне ухудшения финансового положения науки, что представляет огромную угрозу ее будущему.

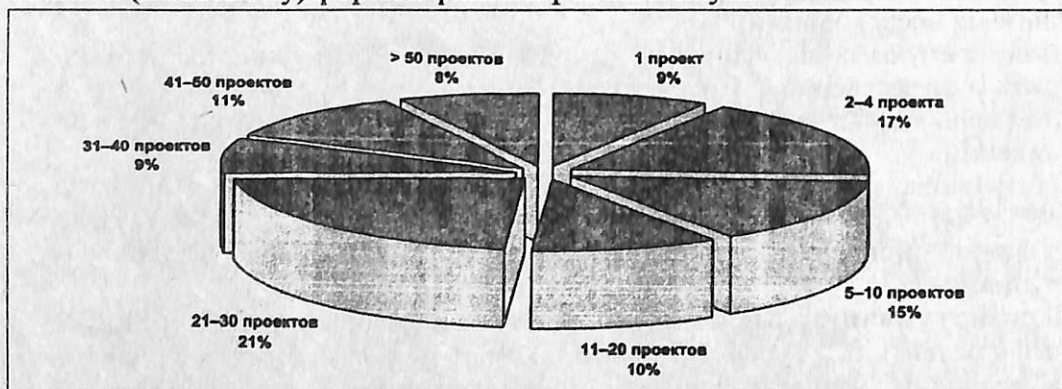
Кризис гуманитарных и социальных наук коренится не в их неспособности к развитию, *а в расстройстве их институциональных связей с обществом, в утрате значимых социо-культурных функций, в снижении спроса и поддержки со стороны общества и государства.*

2. Ведомственные и региональные аспекты научной активности

Анализ итогов конкурсов 1995, 1996 и 1997 гг. показывает, что широко распространенное мнение об абсолютном доминировании двух десятков крупных академических институтов не вполне соответствует действительности. Реально в гуманитарных и социальных науках значительный объем исследовательской работы выполняется учеными, работающими в мелких, часто не имеющих высокого научного рейтинга, организациях. Если рассматривать не заявки, а уже победившие в конкурсе проекты (одинаково высоко оцененные экспертами), то видно, что в 1996 г. более 27% исследовательских проектов выполнялось в рамках организаций, имевших от 1 до 4 проектов (вузы, архивы, музеи, новые научные структуры). И примерно такой же процент исследовательских проектов выполнялся в организациях, имевших более 30 проектов.

Образно говоря, с мелких лесных полянок в России сейчас собирается такая же часть научного меда, как и с наиболее крупных академических плантаций. В музеях, библиотеках, архивах, университетах, пединститутах, научных обществах и т. д. работают талантливые ученые или небольшие научные группы, выполняющие значительную часть ведущихся в стране гуманитарных исследований.

Устройство РГНФ (и вообще фондов) позволяет аккумулировать научную активность не только больших организаций, но и небольших первичных научных коллективов, просто отдельных ученых. Фонд ориентирован на поддержку конкретных проектов, а не грандиозных сводных планов организаций. И для гуманитарной науки это очень важно, поскольку ее естественная организация, в том числе и естественный размер научных коллективов, принципиально отличается от организации, скажем, химии, физики или биологии. Именно поэтому грантовое финансирование — идеальная форма поддержки гуманитарных исследований. Не скажу, что гранты для естественных и технических наук имеют малое значение. Но для гуманитариев они имеют совершенно особое значение, хотя и остаются дополнительной (к базовому) формой финансирования науки.

Удельный вес исследовательских проектов, выполнявшихся в 1996 г. в разных группах организаций

Анализ статистического материала позволяет составить представление об удельном весе исследовательских проектов, выполнявшихся в разных ведомствах в 1994, 1995 и 1996 гг. В 1996 г. более половины всех *исследовательских* проектов, поддержанных РГНФ, выполнялись в Российской академии наук. Вместе с Сибирским, Уральским и Дальневосточным отделениями РАН академические проекты составляли более 57%. Доля высшей школы превышала 17%. Причем доля Московского университета в общем объеме вузовских исследовательских проектов превышала 34%.

Сходную картину представляет собой распределение *всех научных проектов* по ведомствам. Доля академических проектов всех видов несколько ниже, чем доля академических исследовательских проектов и составляет около 54%. Но ниже также и доля вузовских проектов — около 15%.

Сопоставление массивов проектов, выполнявшихся в 1994–1996 гг. в разных ведомствах показывает, что в абсолютном исчислении значительно возросло количество проектов, поступающих из всех ведомств. Но темп роста был неодинаковым. Конкурс 1997 г. подтверждает этот вывод. Так, по мере активизации неакадемических и немосковских ученых в конкурсах РГНФ при значительном количественном росте академических проектов доля их в общем числе проектов несколько снижалась, тогда как доля вузовских и некоторых других проектов возрастала на протяжении всего этого времени. Конкурс 1997 г. резко усилил эту тенденцию. Соотношение исследовательских проектов, выполнявшихся в разных ведомствах, становится все более и более объективным, соответствующим реальному ландшафту российской науки. С учетом этого не следует удивляться факту значительного преобладания академических проектов над другими научными проектами. Конкурсы РГНФ убедительно подтверждают высокую концентрацию наиболее ценных научных работ в области гуманитарных и социальных наук именно в Российской академии наук.

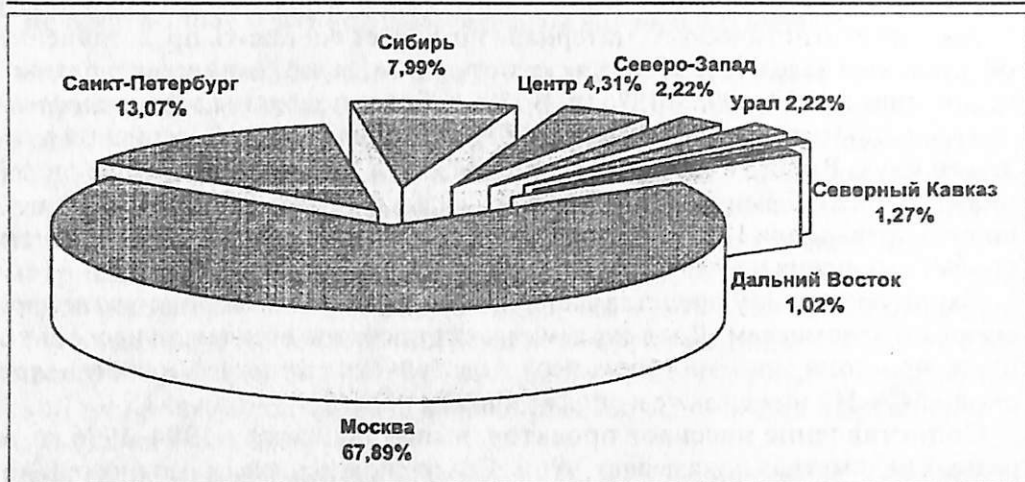
Академические заявки выдерживают конкурс гораздо успешнее, чем вузовские. Исключение составляют заявки из МГУ, в течение многих лет являющегося абсолютным лидером по успешности прохождения заявок через конкурс РГНФ.

Конкурсы РГНФ позволяют составить достаточно полное представление о распределении научной активности по регионам.

На протяжении всего периода деятельности Фонда (1994–1997 гг.) два крупнейших научных центра России — Москва и Санкт-Петербург — абсолютно доминировали над остальными научными центрами страны.

В 1996 г. вклад Москвы в общее количество исследовательских проектов приближается к 69%. На долю Санкт-Петербурга приходилось более 13% всех исследовательских проектов. Из остальных регионов лишь Сибирь характеризовалась заметным вкладом в исследовательские проекты — около 8%. Остальные регионы (особенно Дальний Восток и Северный Кавказ) отличались очень незначительным вкладом в общий объем исследований.

Эта картина характерна не только для исследовательских проектов. Она повторяется и применительно ко всей совокупности поддерживавшихся в

Удельный вес исследовательских проектов, выполнявшихся в 1996 г. в разных группах регионов (субъектах РФ)

1996 г. Фондом проектов. Доля Москвы составляла более 66%. Доля Санкт-Петербурга — более 13%. Доля Сибири (в основном за счет Новосибирска) — 7,5%. Вклад же Дальнего Востока, Северного Кавказа и Северо-Западного региона был в пределах 1–2%. Конкурс 1997 г. выявил некоторые изменения в уровне научной активности основных макрорегионов страны. Москва осталась абсолютным лидером среди региональных научных центров по числу заявок. Но доля ее в 1997 г. заметно снизилась (около 53%). Санкт-Петербург устойчиво удерживает второе место. Более того, его доля возрастает (17%). По-прежнему третью позицию сохраняет за собой Сибирь (около 11%). Но заметно приближается к Сибири Центр (около 8%). Аутсайдерами по-прежнему остаются Дальний Восток и Северный Кавказ, хотя позиции Северного Кавказа несколько укрепляются (около 3%).

Так же, как и в случае с ведомственным распределением научной активности, о региональном распределении можно сказать, что в абсолютном выражении она в целом почти повсеместно возрастает. Но происходит это контрастно неравномерно.

Так, противоположную картину являют собой два старейших университета Сибири — Томский и Иркутский. И по уровню активности (количество заявок) и особенно по их качеству (успешное прохождение через конкурс РГНФ) Томск уже в разы превосходит, а Иркутск продолжает отставать. Очевидны развитие одного центра и кризис другого. Томск устойчиво входит в число тех регионов страны, в которых наблюдается наибольшая активность в сфере гуманитарных и социальных наук. В конкурсах РГНФ уже второй год Томск уверенно занимает четвертое место по числу заявок (после Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска). В этой группе вслед за Томском идут Ярославль, Екатеринбург, Татарстан, Пермь, Саратов, Карелия.

Научный тонус в разных регионах очень неодинаков. Скажем, Екатеринбург должен был бы по своему потенциалу идти за Новосибирском, но

он уступает Томску, не имеющему академической науки, и даже Ярославлю. А вот такие города, как Ярославль, Ульяновск, Калуга становятся заметными центрами гуманитарной науки. Полагаю, что сказывается внимательное отношение местных властей к нуждам гуманитарных и социальных наук. Не зря же в Ярославле все научные и учебные заведения уже подключены к *Internet*, в Ульяновске на базе филиала МГУ в 1996 г. открыт университет, в Калуге создан Институт социологии.

3. Роль и функции гуманитарных и социальных наук в современном российском обществе

Состояние науки, в том числе и гуманитарной, чаще всего характеризуется как кризис, хотя характер его определяется по-разному.

В 90-х гг. радикально и неоднозначно изменилось и в целом *положение* гуманитарных и социальных наук. Гуманитарные и социальные науки (равно как и наука в целом) утратили свои прежние социально значимые функции, свою роль в обществе. Гуманитарные и социальные науки стали просто никому в России не нужны. В этом, полагаю, и коренится их кризис.

Такое состояние сложилось не случайно и невдруг. Лишь внешне оно может показаться неожиданным. Это состояние является следствием общего глубочайшего, поистине *тотального* кризиса российского общества, который в свою очередь имеет предпосылки в прежнем устройстве собственности и власти, в целом в прежнем устройстве социума.

В советское время наука существовала и развивалась, поскольку она была нужна обществу, по крайней мере, в лице такого его института, как государство. Государство являлось на протяжении многих десятилетий, вплоть до второй половины 80-х гг., практически единственным институтом общества, выражавшим общественные потребности в гуманитарных и социальных науках. Общество в то время, в силу своего особого устройства, не имело возможности и не умело выразить свои потребности в науке иначе, как через государство. Государство выражало общественные потребности в науке, конечно, неполно и преломленно. К сожалению, наука была нужна государству главным образом для оборонного комплекса и идеологии, что имело ряд негативных последствий для науки. Но все-таки наука действительно была государству нужна. Наука имела социально значимые функции, благодаря чему возможно было ее развитие.

Применительно к гуманитарным и социальным наукам акцент, и даже чрезмерный, делался на идеологических потребностях государства и соображениях государственного престижа, что отрицательно влияло на науку. Но, если бы все сводилось только к престижу и идеологии, то гуманитарной науки вообще бы не было. В действительности государство выражало и более глубокие общественные потребности в науке, связанные с *просвещением и образованием* (а не только с агитацией и пропагандой), с *управлением* (а не только с «руководством»). Даже идеология партийного государства была субъективно ориентирована на научность. И как следствие — го-

сударство действительно оказывало гуманитарной и социальной науке поддержку: финансировало ее, пропагандировало, поддерживало престиж и высокий статус в обществе, решало жизненные проблемы науки и ученых, привлекало ученых и научные структуры к выработке важнейших государственных решений.

Во второй половине 80-х гг. по мере разрушения государственного устройства страны *ослабевала роль прежней идеологии*, хотя бы субъективно ориентированной на научность, *снижалось значение престижа державы и социальной системы*, а вместе с тем ослабевала заинтересованность государства в гуманитарных и социальных науках. Уменьшались и финансовые возможности государства.

Некоторое время гуманитарные и социальные науки по инерции продолжали получать со стороны государства достаточно весомую финансовую поддержку. Но с 1992 г. эта поддержка резко, одномоментно сократилась в несколько раз, и уже не восстановилась в прежних объемах. Результаты исследований востребовались все в меньшей степени. В итоге наука получила большую свободу от государства, но одновременно и сокращение спроса; снижение поддержки с его стороны. Другие же институты гражданского общества еще не окрепли настолько, чтобы восполнить утрату связей науки с государством.

Мы живем в эпоху, когда астрология и уфология, хиромантия и колдовство с помощью СМИ овладевают сознанием людей и быстрее, и полнее, чем научное просвещение. В 90-х гг. гуманитарные и социальные дисциплины оказались вытесненными из той ниши (просвещение), без присутствия в которой само их существование становится социально бессмысленным, так как в гуманитарных и социальных науках просвещение является аналогом сферы внедрения, сферы практического освоения результатов. Конечный результат деятельности гуманитарной части научного производства — это интеллектуально и духовно развитые человек, нация, общество. Для исправления существующего положения нужны изменения в государственной научной политике, в отношении государства к собственному народу, в настроении общества и научного сообщества.

И все же состояние гуманитарного сектора отечественной науки характеризуется не только чертами кризиса, но и, как это ни странно, признаками развития, и даже бурного:

- переориентацией с «обслуживания государства» на взаимодействие с обществом, с различными его институтами;
- обновлением тематики;
- изменением пропорций между научными дисциплинами, научными направлениями и внутри них;
- появлением новых форм организации исследований (самоуправляемые организации, новые журналы, фонды);
- развитием конкурсных начал и института независимой экспертизы;
- возникновением новых форм объединения ученых (множество научных обществ, включая новые академии);

- развитием сети научных издательств (в России сейчас 6000 издательств, из них не менее 100 научных);
- широкими международными контактами ученых и т. д.

Переживаемый страной этап развития несет в себе не только многочисленные угрозы науке, но и совершенно новые потенциальные возможности ее будущего развития. Это справедливо по крайней мере в части гуманитарных и социальных наук.

В западных странах существует огромная *потребность общества в специалистах гуманитарного профиля*: юристах, психологах, социологах, экономистах. В рыночно-демократических обществах без адвокатов, консультантов, аналитиков, менеджеров не могут нормально функционировать практически никакие организации, не может осуществляться какое-либо дело. Воспроизводство слоя гуманитарных специалистов требует развития соответствующей системы образования: нужны университеты, кафедры, профессора, учебники, справочники, журналы, монографии. А значит, нужна и наука.

Нечто подобное, правда на очень ранней стадии своего развития и в очень неразвитых формах, наблюдается сейчас и в России. Надежды гуманитарных и социальных наук, на мой взгляд, стратегически связаны именно с развитием наметившейся тенденции роста потребности общества в специалистах гуманитарного профиля. Государство перестает быть единственным социальным институтом, выражающим потребности общества в гуманитарных и социальных науках, хотя оно остается, и, вероятно, останется в будущем, важнейшим их потребителем и покровителем.

В России наука исходно была государственным делом. И эта культурно-историческая традиция очень устойчива. Без возрождения государства в России наука не возродится. Но чтобы обрести более надежную основу своего развития, чтобы уменьшить зависимость от изменчивых настроений властей, гуманитариям жизненно важно построить систему взаимопользных отношений с широким кругом институтов общества, научиться быть полезными обществу, а не только государству. Впрочем, на ближайшую перспективу поддержка государства остается совершенно незаменимой. При этом делать ставку следует не на восстановление прежних, а на развитие *новых форм государственной поддержки науки*, в том числе на развитие системы государственных научных фондов, звеном которой является и Российский гуманитарный научный фонд.